

ЖУКОВА Т. В.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ В ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СЛОВ С НАИБОЛЕЕ ОБЩИМИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ

Термин «наиболее общие лексические значения» введен в отечественную лингвистику Д. Н. Шмелевым для значений таких слов, как *существовать, делать, перемещаться, живой, движение, вещество* и т. п. [1, с. 154]. Им же обоснована необходимость изучения специфики данного типа семантики, в частности в парадигматическом аспекте, для создания типологии лексических значений [1, с. 143—155].

Вопрос о различных типах лексических значений впервые в общем плане, по свидетельству Д. Н. Шмелева [1, с. 137], был поставлен В. В. Виноградовым [2]. Д. Н. Шмелев же впервые в лингвистике дал истолкование учения В. В. Виноградова о типах лексических значений, указав, что В. В. Виноградов при разграничении типов лексических значений, помимо отражения словом действительности, «исходил не только из особенностей сочетаемости различных групп слов, т. е. синтагматических отношений», как принято в науке считать, «но и из парадигматических связей, определяющих сферу употребления каждого отдельного слова. Так, им были выделены прямые (или основные) номинативные, производно-номинативные и экспрессивно-синонимические значения слов» ([1, с. 137]; см. также [3]). Однако и после выхода работ Д. Н. Шмелева традиция истолкования теории лексических значений В. В. Виноградова как имеющей только два параметра — отношение к обозначаемому предмету действительности и синтагматические связи слов — продолжается. Представляется целесообразным сопоставить в этом плане две трактовки теории лексических значений В. В. Виноградова — Д. Н. Шмелева и Н. Д. Арутюновой. По мнению последней, «суть концепции В. В. Виноградова состоит в двойкой классификации значений: по принципу отношения к обозначаемому объекту действительности (прямое номинативное — производное номинативное — экспрессивно-стилистическое значения) и по признаку синтагматического поведения в рамках словосочетания и предложения (свободное, фразеологически связанное, функционально-синтаксически ограниченное и конструктивно-обусловленное значения)» [4].

Показательно, что рассматривая один и тот же ряд значений: прямое номинативное — производное номинативное и экспрессивно-стилистическое значения, — ученые относят его к разным параметрам классификации В. В. Виноградова. Д. Н. Шмелев пишет о парадигматическом аспекте, Н. Д. Арутюнова — об отношении к обозначаемому объекту действительности.

Представляется, что оба ряда классификации лексических значений В. В. Виноградова — 1) прямые (или основные) номинативные, производно-номинативные, экспрессивно-синонимические и 2) свободные, фразео-

логически связанные, функционально-синтаксически ограниченные, конструктивно обусловленные значения отражают одновременно два аспекта исследования семантики лексических единиц: внутрисистемные отношения между словами и — как результат названного аспекта изучения — отношение лексических значений слов к обозначаемому объекту действительности, так как парадигматические и синтагматические связи между лексическими единицами в конечном счете отражают внеязыковую действительность. Поэтому естественно, что выделенные В. В. Виноградовым ряды значений допускают истолкование как с точки зрения внутрисистемных отношений между словами, так и с точки зрения соотношения языковых единиц с внеязыковой действительностью. Однако, думается, более последователен в понимании концепции В. В. Виноградова Д. Н. Шмелев, рассматривающий оба ряда значений с одной и той же точки зрения, а именно в аспекте внутрисистемных отношений между языковыми единицами. Н. Д. Арутюнова же, по нашему мнению, при истолковании принципов классификации лексических значений В. В. Виноградова противопоставляет друг другу разнородные планы изучения лексической семантики, присутствующие в классификации В. В. Виноградова. Это противопоставление заключается в том, что первый ряд значений (прямое номинативное — производное номинативное — экспрессивно-стилистическое значения) соотносится ею непосредственно с внеязыковой действительностью, а второй ряд (свободное, фразеологически связанное, функционально-синтаксически ограниченное и конструктивно-обусловленное значения) — с внутриязыковыми отношениями между значениями.

Развивая вопрос о парадигматической обусловленности лексических значений, Д. Н. Шмелев утверждает, что основой парадигматической типологии лексических значений являются отношения, существующие между членами различных лексико-семантических парадигм, и осуществляет парадигматическую классификацию лексических значений на этой основе [1] ¹. Вместе с тем он отмечает, что классификация лексических значений не может приобрести более или менее завершенного вида без учета еще целого ряда парадигматических признаков [1, с. 143] ². Таковыми являются, в частности, дифференциальные семантические признаки у различающихся по «конкретности» групп слов, а следовательно, пределы их реальной парадигматической сопоставленности. К лексическим группам, подлежащим истолкованию с учетом названного признака, Д. Н. Шмелев относит слова с наиболее общими лексическими значениями [1, с. 145] ³.

Существующие определения слов с наиболее общими лексическими значениями в плане парадигматических отношений разнообразны с точки зрения используемых концепций, а также адекватности этих последних исследуемому материалу.

Ю. Д. Апресян рассматривает слова с интересующей нас семантикой при разработке общих принципов дистрибутивно-трансформационной методики компонентного анализа [5] ⁴. Как известно, суть этой методики заключается в том, что использование дистрибутивных и трансформационных операций дает исследователю возможность построить иерархическую

¹ См. главу, посвященную парадигматическим отношениям в лексике.

² В данном случае имеется в виду классификация вообще, а не только парадигматическая.

³ Ср. также: «Исследование в этом плане разных групп лексики... может дать важный материал для более полной классификации лексических значений слов» [1, с. 145].

⁴ Автор не употребляет особого термина для определения лексических значений этого типа слов.

систему классов эквивалентных лексем и тем самым в итоге произвести компонентный анализ значений лексем, так как в ходе построения иерархии значения лексем автоматически разлагаются на составляющие семантические компоненты. Все семы, определяющие тот или иной класс, могут быть приписаны любой входящей в него лексеме. При этом определения лексем не будут исчерпывающими, т. е. не позволят отличать друг от друга две лексемы одного и того же конечного класса. Исследователь получает значение с точностью до класса (может быть, с точностью до синонимически-антонимического ряда), но не получает его с точностью до слова.

Однако, как показывает исследование Ю. Д. Апресяна, существуют лексемы типа *делать*, *иметь*, *брать*, *давать*, *двигаться*, *действовать* и т. п., содержание которых будет исчерпано набором семантических компонентов, характеризующих класс иерархии [5, с. 159—161]⁵.

Итак, Ю. Д. Апресян получает определение наиболее общих лексических значений на уровне выделения лексико-семантических групп слов, так как характеристика класса эквивалентных лексем методом компонентного анализа является одновременно определением наиболее общего лексического значения.

Иное парадигматическое определение наиболее общих лексических значений дает Д. Н. Шмелев. Оно состоит в противопоставлении значений внутри уже выделенной лексико-семантической группы слов. По свидетельству Д. Н. Шмелева, содержание слов с наиболее общими лексическими значениями определяется «не дифференциальными в строгом смысле признаками; ср., значения слов *существовать*, *делать*, *перемещаться*, *живой*, *движение*, *вещество* и т. п. ...самые эти значения часто „совпадают“ с семантическими элементами, выделяемыми в других, более сложных значениях (*бежать*, *идти*, *ползти*... — это „перемещаться определенным способом“» [1, с. 154—155; разрядка наша. — Ж. Т.].

Такого рода противопоставление указывает на отсутствие в наиболее общих лексических значениях дифференциальных семантических компонентов, на исчерпываемость этих значений одним различительным признаком, который является общим для всей группы значений. Д. Н. Шмелев выделяет данный признак в особый тип семантических признаков: «Значение слова *вещество* для нас столь же неразложимо на семантические элементы, так и значение слова *береза*, однако ясно, что эта „неразложимость“ совсем иного рода, она обусловлена не отягощенностью слова индивидуальными, „предметными“ признаками, а напротив, полным отсутствием таких признаков, преобладающей с и г н и ф и к а т и в н о й функцией слова. Поэтому, наряду с интегральными и дифференциальными семантическими признаками, есть основания различать категориально-семантические признаки, играющие совершенно особую роль в семантической организации лексики» [4, с. 155]. Представляется, что «набор» семантических признаков Ю. Д. Апресяна, характеризующих класс иерархии, соответствует категориальному признаку Д. Н. Шмелева. Ср. определение Д. Н. Шмелевым, например, такого семантического элемента, как «перемещаться определенным способом» [4, с. 154—155], и семантические компоненты Ю. Д. Апресяна, характеризующие класс иерархии, «действие», и «направленность», «объектная неориентированность» и др. [5, с. 161].

⁵ Представляется важным отметить, что Ю. Д. Апресян подвергает компонентному анализу однозначные лексемы, т. е. если речь идет о многозначном слове, то отдельные его значения.

Компонентный анализ глаголов с наиболее общими лексическими значениями, адекватных объекту исследования, дан также О. Н. Селиверстовой для семантической группы *иметь, получать, принять, дать, взять*, а также конструкции *У меня есть* [6].

Если Ю. Д. Апресян определяет наиболее общее лексическое значение методом компонентного анализа на уровне выделения лексико-семантической группы, Д. Н. Шмелев — на уровне компонентного анализа значения внутри лексико-семантической группы, то О. Н. Селиверстова определяет данное значение при помощи того же метода на уровне разграничения значений полисемантического слова.

Как отдельные глаголы рассматриваемой О. Н. Селиверстовой группы, так и вся группа в целом характеризуется спецификой, которая обуславливает и особую методику компонентного анализа. Семантика данных глаголов позволяет найти «то общее, что стоит за всеми контекстными вариантами»⁶ этих глаголов, установить их собственный вклад в контекст» [6, с. 30; разрядка наша. — Ж. Т.].

Для всех значений глагола *иметь* и для конструкции «У X (есть) Y» и «X имеет Y» таким общим является информация «о наличии Y в том или ином пространстве, входящем в „существование“ X» [6, с. 39]. Для всех же значений каждого из остальных анализируемых глаголов общим является признак включения Y в то или иное пространство, входящее в «существование» X [6, с. 39].

Как видим, общая информация, выделенная автором является общей не только для всех значений отдельных глаголов, но и для семантики всей группы анализируемых многозначных глаголов, т. е. инвариантна как на уровне многозначного слова, так и на уровне группы многозначных слов. Именно наличие такого рода общей информации, как было отмечено выше, и обуславливает специфический характер компонентного анализа слов с наиболее общей лексической семантикой, рассматриваемых О. Н. Селиверстовой.

Здесь особенно важно отметить, что, как представляется, О. Н. Селиверстова пользуется семантическим инвариантом, т. е. «тем общим, что стоит за всеми контекстными вариантами» [6, с. 30], привлекаемых для анализа глаголов как рабочим приемом, диктуемым спецификой лексической семантики выбранной группы словесных знаков. Ср., например, такое положение автора: «Хотя для удобства изложения мы ввели термин „существование X (Ex)³“, различные пространства, в которые может входить Y, не образуют единства» [6, с. 69; разрядка наша. — Ж. Т.]. В противном случае выделение семантического инварианта как в семантике многозначного слова, так и в пределах семантической группы слов было бы методологической ошибкой. Ср. положение О. Н. Трубачева: «Однако наряду с фикцией как рабочим приемом мы встречаемся и с фикцией как методологическим заблуждением. Такова, как нам кажется, идея и н в а р и а н т а в синхронной семантике и словообразовании» [7, с. 165]. Семантическим инвариантом на уровне рабочей фикции пользуются и при исследовании других областей языка. Например, в синхронном словообразовании данным понятием оперирует Э. Ф. Оливерius [8].

⁶ Ср.: «Слово полисемантно или многовариантно, если информация, вносимая лексемой этого слова в разных контекстах, неодинакова. В настоящей работе мы не можем сформулировать в окончательном виде критерий, который позволял бы разграничивать отдельное значение и вариант значения...» [6, с. 26].

На первом этапе компонентный анализ проводится О. Н. Селиверстовой на уровне, инвариантном для многозначных слов, т. е. дифференциальные признаки различают между собой многозначные слова как целостные языковые единицы. Как отмечает автор, «значение выделенных глаголов, однако, не исчерпывается признаком „включение“ $\bar{Y}$ в „существование“ X . В значение каждого из этих глаголов входят и другие компоненты, которые ... устанавливают их различия по отношению друг к другу... Другие различия между анализируемыми глаголами... чаще всего связаны с тем, определяется ли включение действием денотата подлежащего или же действием некоторой внешней по отношению к нему силы, а также направленностью включения» [6, с. 71—72; разрядка наша. — Ж. Т.]. Выявленные ею различия являются дифференциальными признаками на уровне многозначных слов в целом. Приведем одно из толкований О. Н. Селиверстовой: «Глаголы *взять*, *принять*, *дать* вносят информацию о том, что действие денотата подлежащего определяет включение $\bar{Y}$ в „существование“ X -а. Напротив, глагол *получить* сообщает, что определяющим является действие некоторой внешней по отношению к денотату подлежащего силы» [6, с. 72].

Полученные на первом этапе компонентного анализа семантические характеристики многозначных глаголов как целостных единиц дают автору возможность перейти ко второму его этапу, цель которого состоит в выявлении значений полисемантических слов. Дифференциальными признаками в этом случае являются виды пространства, о нахождении в которых могут сообщать анализируемые глаголы, а также характер связи между X (подлежащим) и элементами пространства [6, с. 37]. Так, у глагола *иметь* на основе указанных дифференциальных признаков выделяются, например, среди других значений (контекстных вариантов) такие: «информация о наличии действия, осуществляемого X -ом или результата, продукта действия», «информация о наличии условия, объекта, которые X может использовать при осуществлении действий (информация о наличии элемента, „программирующего“ действия X -а)» [6, с. 38], а у глагола *принять* — «информация о наличии действия или его результата в сфере „существования“ производителя действия» [6, с. 83]; «информация о наличии объекта, одно из свойств которого есть отношение к другому объекту» [6, с. 106].

На этом компонентный анализ как таковой заканчивается. Разложение выделенных значений на дифференциальные семантические признаки О. Н. Селиверстовой не производится. Это согласуется с результатами исследований Ю. Д. Апресяна и Д. Н. Шмелева, в соответствии с которыми семантика исследуемых слов неразложима на дифференциальные признаки в общепринятом смысле.

До сих пор речь шла о методиках компонентного анализа, адекватных, с нашей точки зрения, исследуемому материалу при всем разнообразии их применения к словам с наиболее общими лексическими значениями. Представляется, что рассматриваемые далее методики компонентного анализа не являются адекватными интересующему нас виду лексического значения.

В науке существует мнение о наличии в составе наиболее общих значений, кроме архисем (общих сем родового значения)⁷, потенциальных дифференциальных сем [11 с. 6]⁸.

⁷ Термин Б. Потье [9]. В отечественную лингвистику данный термин в указанном смысле ввел В. Г. Гак [10, с. 370].

⁸ Термин «потенциальные семы» принадлежит В. Г. Гаку, который потенциальными называет семы, «отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта» [10, с. 371].

Вопрос о правомерности выделения потенциальных (в другой терминологии — латентных [12, с. 264] или ассоциативных [13—15]) признаков в лексической семантике слова в науке однозначно не решен. Такого рода семы как компоненты значения выделяются В. Г. Гаком, В. Н. Телией и др. [10, с. 371; 12, с. 264]. По мнению же О. Н. Селиверстовой, ассоциативные признаки не входят в языковое значение, а только связаны с ним по ассоциации [6, с. 130].

Думается, что вопрос о существовании потенциальных сем как компонентов значения должен решаться в связи с вопросом об их актуализации, так как при актуализации может быть выявлена реальность языковой значимости.

В. Г. Гак считает, что в зависимости от ситуации любая из сем, находящаяся ранее в латентном состоянии, может актуализоваться. Так, по В. Г. Гаку, в высказывании *Сегодня мальчик впервые самостоятельно пришел из школы* в семантике глагола пришел актуализуется сема «самостоятельность действия» [10, с. 371]. С нашей точки зрения, наличие в предложении лексемы *самостоятельно* не дает возможности с полной уверенностью утверждать, что смысл «самостоятельность действия», передается глаголом, а не лексическим контекстом. Еще один пример В. Г. Гака. Во фразе *Сегодня он приехал из школы, а не пришел*, по его мнению, на первый план в глаголе пришел выходит сема «способ передвижения» [10, 371]. Действительно, данный смысл является основным в сообщении. Однако это может быть объяснено и лексическим контекстом, а именно противопоставлением глаголов.

В. Г. Гак выделяет потенциальные семы в лексическом значении слова вообще. Рассмотрим теперь существующую в науке методику выделения потенциальных сем в интересующих нас наиболее общих лексических значениях. Автор этой методики Т. С. Амеликина при выделении потенциальных сем в значениях глагола *делать* пользуется методом обратного перевода [11]. Она отмечает, что глагольной лексеме *делать*, например, в значении обобщенного действия при переводе на английский язык обычно ставится в соответствие глагольная лексема *to do*, также несущая семантический признак «действовать вообще». Однако, продолжает автор, помимо «глагольной» лексемы *to do*, глагольной лексеме *делать* в рассматриваемом значении могут ставиться в соответствие и другие английские глагольные лексемы, которые, кроме семантического признака «действовать вообще», несут еще и дополнительные дифференциальные семантические признаки, что дает возможность выявить в составе семемы обобщенного действия глагольной лексемы *делать* ее потенциальные дифференциальные признаки. Рассмотрим примеры Т. С. Амеликиной: *Вот бургомистр — он все сделает* и английское соответствие: *The Burgermester here will attend to it* [11, с. 7].

При переводе на английский язык вводится глагольная лексема *to attend*, которая при обратном переводе на русский язык дает глагольную лексему *заботиться, беспокоиться*, в результате чего в составе семемы обобщенного действия выделяется потенциальная сема «действовать, проявляя внимание, заботу». И второй пример. При переводе на английский язык русского. *Погоди. Не горячись! Можно все сделать тихо, по-хорошему!* вводится глагол *to arrange*, который при обратном переводе на русский язык дает глагольные лексемы *улаживать, устраивать, регулировать*, в результате чего в составе той же семемы обобщенного действия выделяется потенциальная сема «действовать для устранения спорных вопросов» [11, с. 8].

Однако, как нам представляется, английские глаголы *to attend* и *to arrange* являются переводами русских сочетаний *все сделать* и *сделать tutto, по-хорошему* соответственно, а не глаголов, входящих в эти сочетания. Если бы переводились на английский язык глаголы, а не сочетания, то при обратном переводе мы получили бы те же русские глаголы, что и в первоначальном русском тексте. Поэтому так называемые потенциальные семы, выявленные методом обратного перевода, являются по сути описанием внеязыковой ситуации, а в языке — лексического контекста и не входят в значение глагола как его компоненты. Видеть здесь разные потенциальные семы только потому, что в разных лексических контекстах нужны разные переводы, — это все равно, что различать в английском языке разные значения множественного числа из-за того, что *stone-s* «камн-и», а *island-s* «остров-а».

В данном случае перед нами определение изучаемого объекта не по его природным свойствам, а по методике, по единицам методического анализа. Предостережение против такого рода опасности мы находим, например, у А. А. Уфимцевой и О. Н. Трубачева [16, с. 32—33; 7, с. 158]. Так, А. А. Уфимцева среди областей исследования, распространение на которые методики компонентного анализа приводит фактически к подмене природных свойств семантики естественных языков метаязыковой семантикой, единиц языка — единицами описания, называет и семантическую синтагматику [16, с. 33].

Приведенные примеры выделения потенциальных сем показывают, что положительное решение вопроса о потенциальных семах как реальных компонентах наиболее общего лексического значения при существующей в науке аргументации невозможно.

Не представляется адекватным и определение в парадигматическом аспекте наиболее общих лексических значений на основе критерия взаимозаменяемости слов в том смысле, в котором его использует Т. И. Новоселова [17, с. 73]. Автор выделяет внутри группы глаголов созидания целый ряд глаголов с обобщенным значением созидания: *производить, создавать, выпускать, вырабатывать, делать, изготавливать, выполнять, выделять, готовить, мастерить, сооружать, устраивать* [17, с. 74]. По ее мнению, все они имеют обобщенное значение, так как состоят только из одного признака «цель действия» («создавать»). Подтверждением этого является их взаимозаменяемость «с точки зрения способности обозначать одни и те же процессы. Они оказываются противопоставленными не по собственно смысловым признакам, а по возможности употребляться в различных условиях, ситуациях. Подобные глаголы образуют „стилистическую парадигму“» [17, с. 73; разрядка наша. — Ж. Т.]⁹.

Однако способность обозначать одни и те же процессы не может быть свидетельством одинакового значения слов. Возможность наименования различными словами одного и того же явления действительности, по Д. Н. Шмелеву, может быть обусловлена следующими причинами: сами явления действительности обычно могут быть охарактеризованы с разных сторон; различие в наименовании того же предмета или явления бывает вызвано и различным его истолкованием; субъективные различия в оценке фактов также являются причиной применения к этим фактам разнородных наименований [1, с. 116—117]. Ср. также мнение по этому поводу Н. Д. Арутюновой: «Возможность по-разному именовать один

⁹ О понятии «стилистическая парадигма» см. [18].

и тот же объект проистекает из возможности по-разному его обозначить, являющейся следствием множественности суждений, которые могут быть вынесены об одном объекте (лице или предмете)...» [19]. Да и сама Т. И. Новоселова тот же критерий способности обозначать одни и те же процессы использует для объяснения функционирования глаголов с обобщенным значением созидания, по ее выражению, вместо конкретных глаголов созидания [20, с. 78].

Что же касается противопоставленности значений рассматриваемых глаголов, то основное различие между этими значениями, как кажется, заключается не в стилистике, а именно в смысловых дифференциальных признаках. Доказательством этого является невозможность взаимозамены рассматриваемых глаголов при определении значения слова. Ср. определение понятия взаимозаменяемости как основания, на котором зиждется понятие синонимии, Д. Н. Шмелевым: «Для того чтобы понятие взаимозаменяемости приобрело более четкие очертания, необходимо определить его в связи с некоторыми собственно языковыми факторами, не зависящими от произвола говорящего и многообразия конкретных речевых ситуаций. Взаимозаменяемость должна пониматься в таком случае не как возможность замены одного слова другим, а как необходимость такой замены, но, понятно, не в конкретных речевых высказываниях, где такого рода необходимости быть не может, а при определении значения самого слова» [1, с. 118].

При определении значений слов нет необходимости взаимозамены глаголов *выпускать* и *мастерить*, *изготавливать* и *выделывать*, *выполнять* и *сооружать*, *создавать* и *устраивать*. Или же объединим попарно с той же целью глаголы, имеющие, по свидетельству Т. И. Новоселовой, одинаковую стилистическую окраску, чтобы возможность взаимозамены не исключалась стилистической окраской (хотя в случаях толкования стилистически окрашенных слов в словарях употребляются стилистические пометы): *устраивать* и *делать*, *мастерить* и *изготавливать* или *выполнять* и *создавать*, *выполнять* и *вырабатывать*, *выполнять* и *производить*.

Этим, по-видимому, обусловлено и противоречие в работе [17], где автор вынужден признать, что «парадигматические отношения глаголов созидания с обобщенным значением не исчерпываются противоположенностью в стилистическом плане. Дифференциация некоторых из них идет в разных направлениях. Так, глаголы *создавать* и *выполнять* отличаются не только стилистическим оттенком, но и тем особым компонентом, который подчеркивает творческий характер называемых ими действий. Действия, обозначаемые этими глаголами, приводят чаще всего к возникновению чего-то важного, существенного в каком-то отношении» [17; разрядка наша. — Ж. Т.].

Представляется, что глаголы, значения которых Т. И. Новоселова определяет как обобщенное значение созидания, являются смысловыми синонимами с разной степенью синонимичности, и уже вторично некоторые из них различаются и стилистически. Необходимость понятия степени синонимичности вытекает из рассмотрения синонимии «...с точки зрения позиционной обусловленности значения, а соответственно — нейтрализации в определенных позициях противопоставления значений» [1, с. 118—119]. Степень синонимичности зависит от количества позиций нейтрализации противопоставления слов. Данное понимание явления синонимии ввел в науку Д. Н. Шмелев [1]¹⁰.

¹⁰ Глава, посвященная парадигматическим отношениям в лексике.

Таким образом, значения глаголов, характеризующихся как глаголы с обобщенным значением созидания, не исчерпываются одним смысловым признаком «создавать». По-видимому, нельзя говорить, что все они имеют одинаковое обобщенное значение созидания. Обобщенность значений рассматриваемых Т. И. Новоселовой глаголов созидания выявляется при сравнении их со значениями более конкретных глаголов созидания. Глаголы с обобщенными значениями могут употребляться для обозначения тех же действий, что и конкретные глаголы типа *строить, клеить, шить, плести*. По нашему мнению, следствием обобщенности значений глаголов является именно возможность их употребления для обозначения тех же действий, которые обозначаются конкретными глаголами созидания, а не их функционирование в месте самых различных глаголов созидания, как считает Т. И. Новоселова [20, с. 78].

Проблема «заместительства» как имеющая принципиальное значение для выявления специфики слов с наиболее общими лексическими значениями должна быть предметом специального рассмотрения.

Рассмотрение различных парадигматических определений наиболее общих лексических значений позволяет сделать следующий вывод. Наиболее общие лексические значения не содержат дифференциальных признаков в общепринятом смысле и являются чисто понятийными. Разные авторы определяют это содержание по-разному в зависимости от подхода к исследуемому материалу. Это компоненты, характеризующие класс иерархии, Ю. Д. Апресян, категориальные признаки Д. Н. Шмелева, признаки, служащие для группового противопоставления, О. Н. Селиверстовой. С нашей точки зрения, приведенные определения относятся к одной и той же языковой действительности. Однако данное предположение требует доказательств. Дело в том, что если Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак выделяют эти особые в отличие от дифференциальных признаки в значении любой лексической единицы, то, по Д. Н. Шмелеву, не все лексические единицы обладают категориальными, в его терминологии, признаками.

Если попытаться выделить возможные, согласно Д. Н. Шмелеву, виды слов по семантическому содержанию, с учетом того, что он выделяет три типа семантических признаков [1, с. 155], то мы, как представляется, получим: 1) слова, лексическое содержание которых состоит только из интегральных признаков. Д. Н. Шмелев называет их денотативами. «Отличие денотативов от единиц других семантических типов заключается... в том, что первым свойственны только интегральные элементы значения...» [1, с. 154]. Это такие слова, как *сосна, дуб*; 2) слова, лексическое содержание которых состоит из интегральных и дифференциальных признаков. «Устанавливая парадигматические отношения между ... словами *река, ручей, канал, озеро* и т. д., мы выделяем, естественно, в значениях этих слов не только дифференциальные элементы, но также и то общее, что их объединяет, а именно, компонент „водоем“, который ... должен рассматриваться как нерасчлененный и н т е г р а л ь н ы й признак» [1, с. 154; разрядка наша. — Ж. Т.]; 3) слова, лексическое содержание которых состоит из категориальных и дифференциальных признаков. Это такие слова, как *бежать,*идти, ползти* — «перемещаться определенным способом» [1, с. 154—155] (категориальный признак «перемещаться», дифференциальный — «определенным способом»); 4) слова, лексическая семантика которых состоит только из категориальных признаков. Эти слова с наиболее общими значениями [1, с. 154—155].

На наш взгляд, однако, первые два вида лексических значений, выделенные Д. Н. Шмелевым, также включают категориальные признаки.

В значение денотативов типа *сосна*, *дуб* входит признак «дерево», типа *река*, *ручей*, *озеро* — «водоем», об этом свидетельствует и высказывание автора о том, что объединение слов типа названий растений, животных, одежды, обуви, механизмов происходит на основе наличия у них «общего родового признака („растение“, „животное“, „орудие для...“, „минерал“ и т. п.)» [1, с. 150—151]. Д. Н. Шмелев определяет такого рода признаки как интегральные: ср., определение им признака «водоем» [1, с. 154]. Однако признанию признака «водоем» интегральным противоречит определение интегральных признаков самим Д. Н. Шмелевым как индивидуальных, «предметных» [1, с. 150, 153—154]. Один и тот же признак по отношению к одним и тем же словам (в приведенном примере *река*, *ручей*, *канал*, *озеро*) не может быть одновременно общим, родовым и индивидуальным, «предметным». Представляется целесообразным отличать комплекс нерасчлененных, интегральных признаков, образующих значение, например, слова *дерево* наряду с признаком «растение», от категориального признака «дерево», входящего наряду с нерасчлененными интегральными признаками в значение, например, слова *береза*. Наличие в языке категориальных признаков разной степени обобщенности (в данном случае «растение» и «дерево») подтверждается выделением В. Г. Гаком в значениях слов наряду с дифференциальными семами признаков, отражающих семантические категории разного уровня абстракции. Так, например, в значении глагола *приходить* им выделяются такие категориальные признаки (в его терминологии «архисемы»), как, с одной стороны, «действие», а с другой — «направление движения», «способ передвижения» [10, с. 370].

Итак, в значениях всех без исключения слов есть категориальные признаки. Подтверждает данное положение и следующее высказывание самого Д. Н. Шмелева: «При необходимости в е с ь словарный состав языка может быть представлен разбитым на определенные классы, образуемые пересечением именно категориальных признаков. При этом интегральные признаки будут балластом, который насаивается на отдельные единицы полученных классов и подклассов лексики...» [1, с. 155; разрядка наша. — Ж. Т.].

Таким образом, нам представляются адекватными исследуемому материалу определения в парадигматическом аспекте слов с наиболее общими лексическими значениями Ю. Д. Апресяна (на уровне выделения лексико-семантических групп), Д. Н. Шмелева (на уровне компонентного анализа семантики слов внутри уже выделенной лексико-семантической группы), а также компонентный анализ на уровне разграничения значений полисемантического слова О. Н. Селиверстовой.

Думается также, что семантические признаки Ю. Д. Апресяна, характеризующие класс иерархии, категориальные признаки Д. Н. Шмелева и признаки, служащие для группового противопоставления слов, О. Н. Селиверстовой соответствуют друг другу и относятся к одним и тем же языковым единицам, а именно — словам с особым типом лексического значения (ср. положение Д. Н. Шмелева о полном отсутствии дифференциальных признаков у интересующих нас слов, преобладающей у них сигнификативной функции [1, с. 155]).

Специфика семантики слов с наиболее общими лексическими значениями, отмеченная в парадигматическом аспекте, дает основание говорить о возможности их выделения в особый разряд лексики при дальнейшей разработке парадигматической типологии лексических значений, а также при дальнейшем уточнении и дифференциации типов, намеченных в классификации лексических значений В. В. Виноградова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
2. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. 1953. № 5. С. 12—16.
3. Шмелев Д. Н. О типах лексических значений слова // Проблемы современной филологии. М., 1965.
4. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 156.
5. Апресян Ю. Д. О понятиях и методах структурной лексикологии // Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.
6. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
7. Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
8. Oliverius Z. F. Семантические правила порождения и интерпретации русских слов // Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistu. Varšava, 1973. Praha, 1973.
9. Pottier B. La définition sémantique dans les dictionnaires // Travaux de linguistique et de littérature. III. I. Strastourg, 1965.
10. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
11. Амелькина Т. С. Слово в лексической системе языка (глагол «делать» в сопоставлении с английскими эквивалентами): Дис. ... уч. ст. канд. филол. наук. Воронеж, 1973.
12. Телия В. Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
13. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1969. С. 15.
14. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 8.
15. Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 130.
16. Уфимцева А. А. Семантический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
17. Новоселова Т. И. Семантические признаки глаголов созидания. // Научн. тр. Новосибирского пед. ин-та. 1974. Вып. 109.
18. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 137.
19. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 307—308.
20. Новоселова Т. И. Лексико-семантическая группа глаголов созидания в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.